Дата поступления рукописи в редакцию: 27.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 17.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-30-36

БУТОВ Артем Русланович,
магистрант кафедры государственного управления факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
e-mail: butov.artem2002@gmail.com

ПРАВОВАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА БРИКС: МЕЖДУ «МЯГКИМ ПРАВОМ» И МЕЖДУНАРОДНЫМИ ДОГОВОРАМИ

Аннотация. *Статья посвящена международно-правовой природе финансового сотрудничества БРИКС и выбору юридических форм его дальнейшей институционализации. Исследование исходит из того, что БРИКС в целом не является международной организацией с единой правосубъектностью, однако внутри объединения сформировалась многоуровневая нормативная система, сочетающая политические акты «мягкого права» и юридически обязательные международные договоры. Цель работы состоит в определении правовой формы, соответствующей различным видам финансового взаимодействия государств. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и институциональный методы, а также анализ соглашений о Новом банке развития и Пуле условных валютных резервов. Установлено, что декларационный формат сохраняет преимущества при согласовании целей, принципов и технических стандартов, но становится недостаточным при создании платежной, расчетно-депозитарной, цифровой и гарантийной инфраструктуры. Такие механизмы затрагивают имущественные права, окончательность расчетов, применимое право, распределение ответственности, защиту информации и разрешение споров. Особое внимание уделено пределам использования актов мягкого права при регулировании отношений, создающих финансовые обязательства государств и частных участников. Обоснована модель модульной правовой институционализации, включающая рамочное соглашение о финансовой инфраструктуре БРИКС, факультативные протоколы для отдельных проектов и модельные правила для национального законодательства. Предложенный подход позволяет сохранить межгосударственную гибкость объединения, обеспечить дифференцированное участие стран и одновременно создать юридическую определенность, необходимую для практической реализации финансовых инициатив. Результаты могут использоваться при подготовке российских предложений по развитию договорной базы БРИКС и согласованию трансграничных финансовых механизмов.*

Ключевые слова: *БРИКС, международное право, мягкое право, международные договоры, международные организации, Новый банк развития, трансграничные платежи, цифровые права, финансовая инфраструктура.*

Финансирование. *Исследование выполнено без внешнего финансирования.*

BUTOV Artem Ruslanovich,
Master's student, Department of Public Administration, School of Governance and Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

LEGAL INSTITUTIONALISATION OF BRICS FINANCIAL COOPERATION: BETWEEN SOFT LAW AND INTERNATIONAL TREATIES

Annotation. *The article examines the international legal nature of BRICS financial cooperation and the legal forms required for its institutionalisation. BRICS is not an international organisation endowed with legal personality, although a multi-level normative system has emerged within the group, combining soft-law instruments with legally binding international treaties. The study determines which legal form is appropriate for different types of financial cooperation between states. Its methodology combines formal legal, comparative legal and institutional analysis, including examination of the agreements establishing the New Development Bank and the Contingent Reserve Arrangement. The research finds that declaratory instruments remain effective for coordinating objectives, principles and technical standards but become insufficient when states create payment, settlement, depository, digital and guarantee infrastructure. Such mechanisms affect property rights, settlement finality, applicable law, allocation of liability, information protection and dispute resolution. The article substantiates a modular model of legal institutionalisation consisting of a framework agreement on BRICS financial infrastructure, optional protocols for individual projects and model rules for national legislation. This approach preserves intergovernmental flexibility, permits differentiated participation and provides the legal certainty required for financial initiatives. The findings may support Russian proposals concerning the development of the BRICS treaty framework and the coordination of cross-border financial mechanisms.*

Key words: *BRICS, international law, soft law, international treaties, international organisations, New Development Bank, cross-border payments, digital rights, financial infrastructure.*

Funding. *The study received no external funding.*

Введение

Финансовая повестка БРИКС развивается быстрее, чем ее правовое оформление. В рамках объединения действуют созданные международными договорами механизмы, прежде всего Новый банк развития и Пул условных валютных резервов, одновременно обсуждаются трансграничные платежи, расчетно-депозитарная инфраструктура, гарантии, перестрахование и использование цифровых финансовых инструментов. Эти направления имеют разную юридическую природу. Их объединение под общим политическим обозначением «механизмы БРИКС» скрывает существенное различие между согласованным намерением государств и обязательством, обеспеченным нормами международного и национального права.

В современной литературе БРИКС обычно относится к неформальным межправительственным объединениям. Такие форматы не учреждаются единым уставным договором, не обладают развернутой системой постоянных органов и позволяют государствам сохранять полный контроль над принятием решений [8; 14]. Их документы способны направлять поведение участников, формировать устойчивые ожидания и служить основанием для последующих национальных мер, хотя сами по себе, как правило, не создают международно-правовых обязательств. Подобная конструкция соответствует понятию «мягкого права», которое используется в международном управлении для сочетания гибкости и нормативного воздействия [5].

Проблема возникает в тот момент, когда сотрудничество переходит от координации позиций к операциям, затрагивающим капитал, ценные бумаги, платежи, цифровые права и ответственность участников. Политическая декларация может определить направление работы, но не способна сама установить окончательность расчета, применимое право, порядок признания цифрового актива или распределение убытков при сбое инфраструктуры. В этих сферах юридическая неопределенность становится самостоятельным операционным риском.

Степень научной разработанности вопроса неоднородна. Исследования БРИКС подробно раскрывают институциональное уплотнение объединения, модели его взаимодействия с международными институтами, устройство Нового банка развития и финансовую стратегию государств-участников [1; 2; 4; 6; 12; 13]. В международно-правовой литературе разработаны общие подходы к неформальному нормотворчеству, правосубъектности международных организаций и взаимодействию обязательных и рекомендательных инструментов [5; 7; 10; 11]. Однако применительно к финансовым механизмам БРИКС недостаточно исследован вопрос о том, какая юридическая форма требуется на каждой стадии их развития.

Цель, задачи и методы исследования

Цель статьи состоит в определении модели правовой институционализации финансового сотрудничества БРИКС, которая обеспечивала бы юридическую определенность без преобразования объединения в наднациональную организацию. Для достижения цели решаются три задачи: раскрывается правовая природа БРИКС как неформального межгосударственного формата; сопоставляются договорные и недоговорные элементы его финансовой архитектуры; формулируются предложения по юридическому оформлению новых платежных, расчетных и гарантийных механизмов.

Методологическую основу составили формально-юридический метод, примененный к учредительным соглашениям и российским актам об их ратификации; сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить правовой режим Нового банка развития, Пула условных валютных резервов и формирующихся инфраструктурных инициатив; институциональный метод, использованный для анализа связи между юридической формой, объемом делегированных полномочий и операционным риском. Материалами исследования выступили официальные документы БРИКС, российское законодательство, а также российская и зарубежная научная литература.

Правовая природа БРИКС и значение «мягкого права»

БРИКС в целом не соответствует классической модели международной межправительственной организации. У объединения отсутствует единый учредительный договор, закрепляющий международную правосубъектность, компетенцию и систему органов. Нет постоянного секретариата, который действовал бы от собственного имени, а решения принимаются государствами на основе консенсуса и реализуются преимущественно через национальные органы. Поэтому корректнее говорить о неформальном межгосударственном объединении, существующем как устойчивая система координации, а не как самостоятельный субъект международного права [8; 9; 14; 15].

Неформальность не означает отсутствия нормативного воздействия. Декларации саммитов, совместные заявления министров, стратегии и руководящие принципы выполняют несколько юридически значимых функций. Они фиксируют согласованную позицию государств, задают направления деятельности национальным ведомствам, формируют стандарты добросовестного поведения и служат основой для подготовки договорных решений. В терминах теории легализации такие документы обладают ограниченной обязательностью, но могут отличаться высокой определенностью содержания и развитым механизмом политического контроля [5].

Для БРИКС «мягкое право» имеет особое значение, поскольку позволяет учитывать различия правовых систем и финансовых режимов государств. Оно снижает издержки согласования, дает возможность запускать пилотные проекты и не требует одновременной ратификации всеми участниками. Гибкость особенно полезна на ранних стадиях, когда предмет сотрудничества еще меняется, а последствия правового решения трудно оценить. Именно поэтому технические стандарты, обмен информацией, дорожные карты и общие принципы могут длительное время развиваться без международного договора.

Одновременно пределы такой модели определяются характером регулируемых отношений. Чем сильнее решение затрагивает имущественные права, публичные финансовые обязательства и интересы третьих лиц, тем выше потребность в юридически обязательной форме. Отсутствие договора допустимо при обмене опытом или согласовании стандарта сообщений, но становится проблематичным при передаче денежных средств, признании обеспечительных инструментов или установлении режима иммунитетов. Следовательно, выбор формы должен зависеть не от символической важности инициативы, а от объема юридического риска.

Договорный уровень финансовой архитектуры БРИКС

Соглашение о Новом банке развития от 15 июля 2014 г. демонстрирует переход от политической координации к полноценному международно-правовому институту. Соглашение закрепило цели Банка, капитал, органы управления, порядок членства, операции, правовой статус, привилегии и иммунитеты. В Российской Федерации оно было ратифицировано Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 29-ФЗ. Новый банк развития обладает собственной правосубъектностью и действует независимо от ежегодной смены председательства в БРИКС. Его решения создают права и обязанности для Банка, заемщиков и иных участников операций. В этом отношении НБР является международной организацией, учрежденной государствами БРИКС, но юридически не тождественной самому объединению [6; 10].

Особое значение имеет разграничение политической принадлежности и юридической самостоятельности. Расширение состава НБР происходит по правилам его учредительного соглашения и не совпадает автоматически с расширением БРИКС. Органами Банка являются Совет управляющих, Совет директоров и президент; их компетенция возникает из международного договора, а не из деклараций саммитов. Такое устройство обеспечивает устойчивость операций и предсказуемость управления, но одновременно ограничивает возможность прямого политического вмешательства в отдельные решения.

Пул условных валютных резервов также создан международным договором от 15 июля 2014 г., ратифицированным Российской Федерацией Федеральным законом от 2 мая 2015 г. № 107-ФЗ. Однако его юридическая конструкция отличается от НБР. Договор устанавливает взаимные обязательства государств по предоставлению ликвидности и процедуру принятия решений, но не создает развернутой международной организации с собственным капиталом, персоналом и операционной автономией. Механизм функционирует через согласованные действия централь-

ных банков и финансовых ведомств. Его договорная обязательность выше, чем у декларационных инициатив, тогда как степень организационного обособления ниже.

Сопоставление двух механизмов показывает, что международный договор не обязательно ведет к созданию самостоятельной организации. Он может закреплять сеть взаимных обязательств, процедуру координации и условия использования национальных ресурсов. Выбор между организационной и договорно-сетевой моделью определяется функцией механизма. Постоянное проектное финансирование требует юридического лица, капитала и органов управления. Резервная поддержка может строиться как условное обязательство государств, активируемое при наступлении предусмотренных договором обстоятельств [6].

Правовые пробелы новых финансовых механизмов

Платежные и расчетно-депозитарные инициативы БРИКС пока развиваются преимущественно в форме политических мандатов, технических исследований и согласования стандартов. На этом этапе «мягкое право» позволяет участникам тестировать совместимость национальных систем. Однако переход к реальным трансграничным операциям требует ответа на вопросы, которые не могут быть решены только техническим протоколом.

Первый блок вопросов связан с применимым правом и окончательностью расчетов. Необходимо определить момент исполнения денежного обязательства, последствия отзыва платежного распоряжения, правовой режим средств на промежуточных счетах и распределение убытков при операционном сбое. Если инфраструктура объединяет несколько национальных платежных систем, правила одной юрисдикции не могут автоматически распространяться на всех участников. Неопределенность в отношении окончательности расчета повышает кредитный и системный риск.

Второй блок касается цифровых прав и цифровых валют. Российское законодательство после принятия федеральных законов от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ и № 223-ФЗ допускает использование цифровой валюты и отдельных цифровых прав во внешнеторговых расчетах в рамках экспериментального правового режима. Эти нормы создают национальную правовую основу для пилотирования, но не обеспечивают признание соответствующего актива в другой юрисдикции. Для трансграничного механизма требуются согласованные критерии квалификации цифрового объекта, правила идентификации владельца, порядок обращения взыскания и защита добросовестного приобретателя [3].

Третий блок образуют требования противодействия легализации преступных доходов, валютного контроля, защиты информации и киберустойчивости. Их унификация в полном объеме малореалистична, поскольку государства БРИКС сохраняют различные модели финансового надзора. Более практичным является взаимное признание результатов отдельных процедур при установлении минимальных общих требований. Аналогичный подход может применяться к идентификации клиентов, проверке происхождения средств и обмену данными, если он сопровождается гарантиями конфиденциальности и ограничением целей использования информации.

Четвертый блок относится к гарантийным и перестраховочным инструментам. Обещание создать многосторонний механизм не определяет правовую природу гарантии, круг бенефициаров, основания отказа в выплате, суброгацию и порядок разрешения спора. Если обязательства принимает Новый банк развития, они могут быть встроены в его существующую договорную компетенцию. Если же гарантии предоставляются консорциумом национальных институтов, необходимо отдельное соглашение, распределяющее ответственность и устанавливающее применимое право.

Российская доктрина справедливо связывает развитие платежной инфраструктуры с финансовым суверенитетом, но правовая автономия не тождественна изоляции [3]. Устойчивая трансграничная система предполагает совместимость норм, предсказуемое признание прав и механизм разрешения конфликтов. Поэтому задача состоит не в замене одного закрытого контура другим, а в создании юридически надежных маршрутов взаимодействия между национальными системами.

Модель модульной правовой институционализации

Для дальнейшего развития финансовой архитектуры БРИКС предлагается модель модульной правовой институционализации. Ее исходный принцип состоит в том, что юридическая форма должна соответствовать функции и риску конкретного механизма. Не требуется учреждать единую международную организацию с общей компетенцией в финансовой сфере. Достаточно создать базовую договорную рамку, к которой государства смогут присоединять отдельные функциональные модули.

Первым уровнем могло бы стать рамочное соглашение о сотрудничестве в области финансовой инфраструктуры БРИКС. В нем следует закрепить общие принципы: добровольность участия в отдельных механизмах, технологическую нейтральность, недискриминационный доступ, уважение национального регулирования, защиту информации, функциональную совместимость и распределение ответственности. Рамоч-

ное соглашение должно определить органы координации и общую процедуру урегулирования межгосударственных разногласий, не передавая им наднациональных полномочий.

Второй уровень составили бы факультативные протоколы. Платежный протокол мог бы регулировать окончательность расчетов, возврат операций, валютный контроль и ответственность операторов. Депозитарный протокол — признание учета прав на ценные бумаги, корпоративных действий и обеспечительных интересов. Протокол о цифровых правах — критерии допустимых активов, взаимное признание операторов, идентификацию и обращение взыскания. Гарантийный протокол — форму обязательства, распределение риска, суброгацию и порядок выплат. Факультативность позволила бы запускать проекты группой заинтересованных государств без ожидания одновременного присоединения всех членов.

Третий уровень должен включать модельные правила и стандартные договорные условия. Они могут утверждаться совместными решениями финансовых регуляторов и использоваться участниками частноправовых отношений. К этой категории относятся типовые оговорки о применимом праве и арбитраже, единые требования к операционным соглашениям, форматы раскрытия информации и минимальные стандарты киберустойчивости. Такие документы сохраняют характер «мягкого права», но получают практическую силу через включение в договоры и национальные акты [7; 11].

Четвертым элементом является постоянный юридический координационный механизм финансового трека. Его задачей должна быть не разработка наднационального законодательства, а правовая экспертиза инициатив, сопоставление национальных режимов и подготовка проектов протоколов. В состав целесообразно включить представителей министерств финансов, центральных банков, органов юстиции и инфраструктурных организаций. Ротационное председательство может сохраняться, однако рабочая документация и реестр согласованных решений должны поддерживаться непрерывно.

Предлагаемая модель соответствует сложившейся природе БРИКС. Она не требует отказа от консенсуса и не создает общего регулятора. Вместе с тем она устраняет ситуацию, при которой технический проект опережает определение прав и обязанностей. Модульная конструкция также снижает политическую стоимость неучастия: государство может не присоединяться к отдельному протоколу, не блокируя сотрудничество остальных.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ позволяет уточнить распространенное представление о выборе между гибкостью и юридической обязательностью. Для БРИКС эти качества не являются взаимоисключающими. Гибкость может обеспечиваться не отсутствием права, а дифференцированным участием, факультативными протоколами и ограниченной предметной компетенцией. Международный договор способен закреплять только минимальный общий уровень, оставляя технические детали совместным стандартам и национальному регулированию.

В то же время преждевременная договорная формализация способна затормозить сотрудничество. Если технология или бизнес-модель еще не определены, жесткие нормы быстро устаревают и увеличивают издержки пересмотра. Поэтому предложенная модель предполагает последовательность: политический мандат, пилотный стандарт, оценка правовых рисков, факультативный протокол и только затем, при необходимости, создание отдельной организации. Такая последовательность согласуется с практикой постепенного институционального уплотнения БРИКС [12; 13].

Для Российской Федерации данный подход имеет дополнительное значение. Российская сторона заинтересована в развитии устойчивых каналов расчетов и цифровых инструментов, однако их международная применимость зависит от признания партнерами. Национальный экспериментальный режим позволяет проверить технологию и внутренний контроль, но не заменяет международного соглашения. Поэтому российские предложения целесообразно формулировать как взаимные правила, защищающие интересы всех участников, а не как перенос национальной модели на общее пространство.

Финансовая архитектура БРИКС имеет смешанную правовую природу. Само объединение остается неформальным межгосударственным форматом, основная нормативная продукция которого относится к «мягкому праву». Одновременно внутри него действуют международно-договорные механизмы различной степени организационного обособления. Новый банк развития представляет собой международную организацию с собственной правосубъектностью, тогда как Пул условных валютных резервов основан на договорной сети взаимных обязательств государств. Такое сочетание не является недостатком. Оно позволяет выбирать форму, соответствующую конкретной функции. Однако развитие платежной, депозитарной, цифровой и гарантийной инфраструктуры повышает требования к юридической определенности. Политические декларации и технические стандарты не могут самостоятельно урегулировать окончательность расчетов, имущественные права, ответственность и разрешение споров.

Оптимальным направлением представляется модульная правовая институционализация: рамочное соглашение, факультативные протоколы, модельные правила и постоянная юридическая координация. Эта конструкция сохраняет автономию государств и гибкость БРИКС, но создает договорную основу там, где сотрудничество переходит к операциям с правовыми и финансовыми последствиями. Научная новизна предложенного подхода состоит в разграничении юридических форм не по политической значимости инициатив, а по характеру возникающих рисков и требуемому уровню защиты прав участников.

Список литературы:

[1] БРИКС в мировых финансах и экономике: монография / Г. Д. Толорая, И. З. Ярыгина, М. И. Столбов [и др.]; под общ. ред. И. З. Ярыгиной, В. И. Герасимова. М.: МГИМО-Университет, 2024. 541 с.

[2] Ларионова М. В. Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11, № 2. С. 113–139. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-113..

[3] Чернобровкина Е. Б. Правовое регулирование цифровизации финансового рынка и развития платежной инфраструктуры как направления обеспечения финансового суверенитета // Юридическая наука. 2025. № 7. С. 112–116.

[4] Худякова Л. С., Урумов Т. Р. Финансовое сотрудничество стран БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69, № 9. С. 28–38. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-9-28-38..

[5] Abbott K. W., Snidal D. Hard and Soft Law in International Governance // International Organization. 2000. Vol. 54, No. 3. P. 421–456. DOI: 10.1162/002081800551280.

[6] Batista Jr. P. N. The BRICS and the Financing Mechanisms They Created: Progress and Shortcomings. London: Anthem Press, 2021. 84 p.

[7] Berman A., Wessel R. A. The International Legal Form and Status of Informal International Lawmaking Bodies: Consequences for Accountability // Informal International Lawmaking / Ed. by J. Pauwelyn, R. Wessel, J. Wouters. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 35–62. DOI: 10. 1093/acprof:oso/9780199658589.003.0003..

[8] Biedermann S. Varieties of Informal Intergovernmental Organisations: How Differences in Design Matter for Informal Governance // Journal of International Relations and Development. 2026. Vol. 29. Art. 7. DOI: 10.1057/s41268-026-00372-1..

[9] Cooper A. F. The BRICS: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016. DOI: 10.1093/actrade/9780198723394.001.0001..

[10] Klabbers J. An Introduction to International Organizations Law. 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. DOI: 10.1017/9781108899789.

[11] Papa M., Han Z., O'Donnell F. The Dynamics of Informal Institutions and Counter-Hegemony: Introducing a BRICS Convergence Index // European Journal of International Relations. 2023. Vol. 29, No. 4. P. 960–989. DOI: 10.1177/13540661231183352..

[12] Pauwelyn J., Wessel R., Wouters J. (eds.). Informal International Lawmaking. Oxford: Oxford University Press, 2012. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199658589.001.0001..

[13] Ramos L., Garcia A., Pautasso D., Ribeiro Rodrigues F. C. A Decade of Emergence: The BRICS' Institutional Densification Process // Journal of China and International Relations. 2018. Special Issue. P. 1–15. DOI: 10.5278/ojs.jcir.v0i0.2262..

[14] Roberts C., Armijo L. E., Katada S. N. The BRICS and Collective Financial Statecraft. New York: Oxford University Press, 2017. DOI: 10.1093/oso/9780190697518.001.0001..

[15] Vabulas F., Snidal D. Organization without Delegation: Informal Intergovernmental Organizations (IIGOs) and the Spectrum of Intergovernmental Arrangements // The Review of International Organizations. 2013. Vol. 8, No. 2. P. 193–220. DOI: 10.1007/s11558-012-9161-x..

References:

[1] BRICS in world finance and economics: monograph/G. D. Toloraya, I. Z. Yarygin, M. I. Stolbov [and others]; under the general. ed. I.Z. Yarygina, V.I. Gerasimova. M.: MGIMO-University, 2024. 541 pp.

[2] Larionova M.V. Russian chairmanship in BRICS: models of interaction with international institutions // Bulletin of international organizations: education, science, new economy. 2016. VOL. 11, NO. 2. S. 113-139. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-113..

[3] Chernobrovkina E. B. Legal regulation of the digitalization of the financial market and the development of payment infrastructure as a direction for ensuring financial sovereignty // Legal science. 2025. № 7. S. 112-116.

[4] Khudyakova L.S., Urumov T.R. Financial cooperation of the BRICS countries // World economy and international relations. 2025. VOL. 69, NO. 9. S. 28-38. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-9-28-38..

[5] Abbott K. W., Snidal D. Hard and Soft Law in International Governance // International Organization. 2000. Vol. 54, No. 3. P. 421–456. DOI: 10.1162/002081800551280.

[6] Batista Jr. P. N. The BRICS and the Financing Mechanisms They Created: Progress and

Shortcomings. London: Anthem Press, 2021. 84 p.

[7] Berman A., Wessel R. A. The International Legal Form and Status of Informal International Lawmaking Bodies: Consequences for Accountability // Informal International Lawmaking / Ed. by J. Pauwelyn, R. Wessel, J. Wouters. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 35–62. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199658589.003.0003..

[8] Biedermann S. Varieties of Informal Intergovernmental Organisations: How Differences in Design Matter for Informal Governance // Journal of International Relations and Development. 2026. Vol. 29. Art. 7. DOI: 10.1057/s41268-026-00372-1..

[9] Cooper A. F. The BRICS: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016. DOI: 10.1093/actrade/9780198723394.001.0001..

[10] Klabbers J. An Introduction to International Organizations Law. 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. DOI: 10.1017/9781108899789.

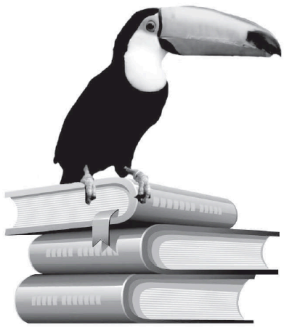
[11] Papa M., Han Z., O'Donnell F. The Dynamics of Informal Institutions and Counter-Hegemony: Introducing a BRICS Convergence Index // European Journal of International Relations. 2023. Vol. 29, No. 4. P. 960–989. DOI: 10.1177/13540661231183352..

[12] Pauwelyn J., Wessel R., Wouters J. (eds.). Informal International Lawmaking. Oxford: Oxford University Press, 2012. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199658589.001.0001..

[13] Ramos L., Garcia A., Pautasso D., Ribeiro Rodrigues F. C. A Decade of Emergence: The BRICS' Institutional Densification Process // Journal of China and International Relations. 2018. Special Issue. P. 1–15. DOI: 10.5278/ojs.jcir.v0i0.2262..

[14] Roberts C., Armijo L. E., Katada S. N. The BRICS and Collective Financial Statecraft. New York: Oxford University Press, 2017. DOI: 10.1093/oso/9780190697518.001.0001..

[15] Vabulas F., Snidal D. Organization without Delegation: Informal Intergovernmental Organizations (IIGOs) and the Spectrum of Intergovernmental Arrangements // The Review of International Organizations. 2013. Vol. 8, No. 2. P. 193–220. DOI: 10.1007/s11558-012-9161-x..



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.